диалоги с современниками

В РОМАНЕ, СПЕКТАКЛЕ, ЖИЗНИ

Сегодня наш корреспондент И. ФЛОРИНСКИЙ беседует с действительным членом Академии медицинских наук СССР профессором З. В. ЕРМОЛЬЕВОЙ.

НЕДАВНО довелось мне посмотреть в Арзамасе премьеру драмы Александра Липовского «На пороге тайны». Драматург посвятил это произведение заслуженному деятелю науки РСФСР академику З. В. Ермольевой, микробиологу с мировым именем. Это посвящение не только знак уважения и признательности: Ермольева — в известной мере «соавтор» драматурга. Именно она послужила прообразом героини пьесы — академика Световой.

...Когда в зале затихли аплодисменты и в последний раз закрылся занавес, ко мне подошел пожилой человек и представился: «Врач-терапевт. — Он назвал фамилию. — Теперь на пенсии».

Познакомились.

— Вы роман Вениамина Каверина «Открытая книга» читали? — спросил он.

— Читал...

— И в спектакле, который мы сейчас смотрели, и в романе говорится, бесспорно, о Ермольевой. Лично я с ней не знаком, но на протяжении многих лет следил за ее интереснейшими исследованиями, бывал на докладах, изучал ее научные труды. К чему я клоню? Да к тому, что и Каверин, и Липовский в своих произведениях много рассказали об этой выдающейся женщине, и все же нельзя поставить знак равенства между художественным образом и человеком, послужившим его прототипом. Какова Ермольева в жизни? Был ли ее долгий путь в науке тернист или устилали его, как говорится, розы?

Вопросы эти заинтересовали и меня. Больше знать о жизни выдающихся людей — потребность естественная, вызываемая, особенно у молодежи, стремлением идти за героем, подражать ему. Я решил встретиться с Ермольевой и узнать, в какой мере достоверна и в пьесе, и в романе ее жизнь. Непростым оказалось это делом. Собранная к беседе информация давала довольно полное представление о научной и общественной деятельности этой замечательной женщины: руководит кафедрой микробиологии и лабораторией антибиотиков Центрального института усовершенствования врачей, возглавляет Комитет по антибиотикам, интенсивно ведет научно-исследовательскую работу, состоит членом президиума Ученого совета Министерства здравоохранения СССР, возглавляет в качестве главного редактора журнал «Антибиотики», осуществляет большую и разностороннюю общественную работу.

Как тут «вклиниться» с беседой? И все же, несмотря на чрезмерную занятость, Зинаида Виссарионовна согласилась встретиться и побеседовать.

— «Открытую книгу» Каверин завершил такими словами, — начал я разговор: — «По-видимому, нам обоим пора отдохнуть: Татьяне Петровне от моих настояний, от беспрестанных расспросов, от блокнотов, с которыми я ходил за ней по пятам, а мне — от этого романа, который я пишу вот уже десять лет и в котором вы найдете правдивую историю одной обыкновенной и необыкновенной жизни». Правдива ли в романе, Зинаида Виссарионовна, история вашей жизни?

— Все то, что относится к моей научной деятельности начиная с первых исследований, а ими я начала заниматься еще будучи студенткой, изложено точно. С Вениамином Александровичем я давно знакома. Работая над романом, он весьма обстоятельно знакомился с микробиологией, внимательно следил за новейшими исследованиями в этой области. Интересовался моей научной деятельностью и подробно о ней расспрашивал. Выезжал в Сталинград, где разыскал дружинниц, которые активно помогали мне летом и осенью 1942 года. Побывал он и в других местах, связанных с моими и моих товарищей по работе научными исследованиями. — Зинаида Виссарионовна задумалась. — В науке, как, вероятно, и во всяком другом деле, бывают моменты, по своему значению и не первостепенные, но оставляющие глубокий след в сознании и даже влияющие на судьбу человека. Так, ими оказались для меня холероподобные светящиеся вибрионы. О них так любовно написал Каверин, что не стоит объяснять мое отношение к ним. А произошло это так.

Однажды ночью — это было в 1925 году в Ростове-на-Дону — я увидела, что вибрионы в чашке... светятся. Хотя было уже за полночь, я побежала к профессору Владимиру Михайловичу Слесаревскому. Он, естественно, удивился столь позднему посещению, а я только и смогла выговорить: «Они светятся! Светятся!».

Отчего же они светятся? За разгадку этого явления я взялась в Москве, в Биохимическом институте. Мое увлечение этой работой было так велико, что, когда отмечали пятилетие института, я украсила лабораторию чашками с вибрионами. При погашенном электричестве они светились «лунным» светом.

Очень было красиво. Гости приходили любоваться ими. Зашел народный комиссар здравоохранения Семашко, заглянула Антонина Васильевна Нежданова.

Должна сразу признаться, что в науке не все загадки сразу разгадываются: то, из-за чего я, собственно, приехала в Москву, осталось неразгаданным. Отчего они светятся? До сих пор не знаю. Более актуальные проблемы здравоохранения захватили меня в то время, оттеснили на второй план работу над светящимися вибрионами. Но они повлияли на мою научную судьбу.

— А что касается лизоцима, о котором так интересно написал Каверин? С этим препаратом как в действительности было?

— Этот препарат мы выделяли из слез человека, из яичного белка, из животных тканей. До нас лизоцим получил Флеминг, но практического значения ему не придал. Это отметили итальянские ученые на симпозиуме в 1961 году в Италии, в работе которого я принимала участие. Они подчеркнули, что приоритет практического использования лизоцима, получившего в ряде стран Запада широкое распространение, принадлежит Советскому Союзу. Действительно, всесторонне испытывая лизоцим, мы установили, что с его помощью можно успешно бороться со многими заболеваниями. В частности, он благотворно влияет на голосовые связки, устраняя катаральные явления. Но целебными свойствами его значение не исчерпывается. Каверин рассказал, как в Баку мы испытывали его для консервации черной икры. Результаты оказались поразительными. Если икра в баночках, обработанная по «секретам» опытнейшего мастера промыслов, сохранялась до пяти дней, то наши баночки при температуре минус четыре градуса — полтора года.

— В книге Каверина страницы, рассказывающие о работе над получением пенициллина, читаются с захватывающим интересом. И в жизни все обстояло так же напряженно?

— Да. Долгой и трудной была эта работа... Чудодейственные свойства зеленой плесени еще сто лет назад обнаружили русские ученые Манассеин и Полотебнов. Через пятьдесят с лишним лет Флеминг выделил из плесени вещество, подавляющее рост некоторых бактерий. Методика получения пенициллина была разработана англичанами Флори, Чейном и другими учеными в сороковом году. Сведений об этом, кроме короткого сообщения в газете, мы не имели. В дни Сталинградской битвы, под артиллерийским обстрелом и сыпавшимися с неба авиабомбами, мы испробовали наш препарат — раневый бактериофаг. Сколько-нибудь значительной пользы раненым он, к нашему разочарованию, не принес. Но мы упорно продолжали искать. Очень точно написано о тогдашней нашей работе у Каверина: «Как часто мы оступались! Как часто брели ощупью, находя и снова теряя дорогу!». В конце 1942 года независимо от иностранных исследователей нами был получен советский пенициллин — «пенициллин-крустозин ВИЭМ».

— Каверин рассказывает о замечательных результатах испытания пенициллина на передовых позициях. Где это было?

— На Первом Прибалтийском фронте. Нашу бригаду возглавлял главный хирург Советской Армии Николай Нилович Бурденко. Применять пенициллин для предупреждения осложнений при тяжелых ранениях мы начали сразу же. Работали прямо на передовой, в медсанбатах, нередко под обстрелом. Пенициллин помог тысячам раненых. Применяли его и для лечения не только на передовой, но и в тыловых госпиталях, в больницах; почти всегда он помогал, излечивая безнадежных, казалось бы, больных...

— Зинаида Виссарионовна, тема научного творчества, научного поиска — основная в трилогии В. Каверина, но не единственная. Писатель рассказывает о детстве, юности, зрелых годах Татьяны Власенковой, о ее друзьях. И здесь он использовал факты из вашей жизни?

— Каверин не задавался целью написать мою беллетризованную биографию. «Открытая книга» — вполне самостоятельное произведение, и целиком отождествлять Татьяну Петровну Власенкову с Зинаидой Виссарионовной Ермольевой не следует. Писатель с большой художественной достоверностью и убедительностью показал, что путь Татьяны Власенковой, ее судьба типичны для нашей эпохи.

— Героиня Каверина в юности мечтала быть киноактрисой, но провалилась на вступительных экзаменах. А вы сразу пошли учиться в медицинский институт, не было у вас таких увлечений, как у Тани?

— Не было. Чем я действительно увлекалась, так это танцами. Ведь я донская казачка. Специально танцевать меня не учили. А жаль! Однажды в санатории в Кисловодске я на танцевальном вечере пустилась в пляс. Солист балета Большого театра Голубин спросил бывшую там Антонину Васильевну Неждакову: «Верно ли, что Ермольева — профессор?» Она подтвердила. «С ее способностями — в балет». А год назад в Ростове-на-Дону на вечере, устроенном в честь участников научной конференции, мне присудили приз за танцы.

— А как вы относитесь к пьесе Липовского?

— Прежде всего, на мой взгляд, интересно то, что пьеса как бы продолжает трилогию. Произведения разделены полутора десятилетиями, насыщенными научными поисками. Если в книге Каверина освещена история становления и развития советской микробиологии, ее завоевания предвоенных и военных лет, то пьеса Липовского обращена в будущее. В ней рассказывается о людях, создающих универсальный препарат для борьбы с комплексом инфекций. Другая, также очень важная проблема, которую решают персонажи пьесы, — неспецифические факторы защиты организма. Чудодейственные свойства антибиотиков, убивающих микробы, оттеснили на второй план интерес к биостимуляторам, создающим в организме барьер для проникновения инфекций. Героиня пьесы добивается усиления исследований в этой области и идет дальше: «Я считаю, — говорит она, — что в дальнейшем мы сможем создать надежный барьер и от радиации». Это ли не благороднейшая задача науки в наши дни, когда все еще не устранена угроза новой мировой войны?

— Конфликт пьесы основан на борьбе Световой с агентом иностранной разведки Дербеневым. Могла ли быть в жизни подобная коллизия?

— Действие построено на событиях, имевших место в действительности.

— Помогают ли вам, Зинаида Виссарионовна, в вашей работе литература и искусство?

— На этот вопрос односложно не ответишь. В наше время, время узкой специализации, даже люди, работающие в одной лаборатории, порой не всегда понимают, что и как делает их сосед. Популяризация благородного труда людей науки средствами литературы и искусства позволяет заглянуть в глубины познания миллионам людей. И другое. Литература и искусство во все века воздействовали на сознание людей, вторгались в жизнь и влияли на ее переустройство. У нас их организующая и воспитательная роль неизмеримо возросла. Авторитетным словом писателя можно поддержать полезное начинание и заставить задуматься тех, кто этому начинанию мешает. В пьесе Липовского, например, показаны препятствия, чинимые исследованию очень нужного препарата. Могут сказать: «Это для театра придумано». Вовсе нет. Мы и сейчас порой с превеликим трудом «проталкиваем» новый препарат. Пригласить бы на спектакль тех, от кого зависит судьба препарата. Глядишь, дело и ускорится!

— Далеко придется ехать — в Арзамас.

— А почему, кстати, обязательно в Арзамас? Почему не сыграть эту пьесу в одном из московских театров? Не так уж много у нас пьес о современной науке.

— Да, арзамасцы всех опередили. Поначалу у них возникали сомнения: дойдет ли до зрителя научная проблематика пьесы? Но главный режиссер театра Мозгуков настоял на постановке и создал впечатляющий спектакль. Успех обусловил также на редкость удачный подбор исполнителей. Удивительно, сколько хороших актеров оказалось в этом небольшом театре. Актриса Чеботаева в роли академика Световой проникновенна, естественна и правдива. То же можно сказать и об актерском ансамбле.

— Хотелось бы, конечно, посмотреть спектакль арзамасцев...

— К сожалению, театры не всегда проявляют оперативность и смелость в постановке новых, еще «неапробированных» пьес о современности. Несколько лет назад в «Советском экране» Вера Марецкая писала: «На экранах нет яркого образа женщины-ученого. Почему? Спросили бы меня, назвала бы Зинаиду Ермольеву, исследующую проблемы злокачественных опухолей. Уверена, и ее жизнь, и путь десятков других — прекрасная тема для сценария». Спектакль арзамасцев доказал, что и для театра это прекрасная тема.

Беседа подошла к концу. Вопрос, заданный на премьере старым доктором, получил ответ: и в романе, и в пьесе достоверность научной деятельности прообраза героини соблюдена, но авторы, не ограничивая себя рамками документальности и используя право на обобщение, в обрисовке жизненных коллизий героини шли каждый своим путем. Они рассказали о деле ее жизни, но не ее биографию. Благодаря им трудовой подвиг большого ученого вышел из узкого круга научных произведений на необозримые просторы литературы художественной.